

Похороны А. А. Фадеева

Черным крепом приглушен свет люстр Колонного зала Дома союзов. Черными и красными полотнищами затынуты хоры и белый мрамор колонн. Непрерывно звучат траурные мелодии.

На высоком постаменте, окруженном живыми цветами, пальмами, венками, — гроб с телом Александра Александровича Фадеева. Не только у постаментов, но и вдоль всей балюстрады зала, у стен, у колонн — бесчисленные венки: от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Союза писателей СССР и писательских организаций братских республик, от МГК КПСС, Советского Комитета защиты мира, ВЦСПС... Надписи на лентах говорят о том, как дорог советским людям талант А. Фадеева, как высоко ценят они вклад писателя в великое дело борьбы за мир.

Одна за другой идут через зал делегации от промышленных предприятий столицы, литературных организаций, учебных заведений, редакций журналов и газет.

Сменяя друг друга, стоят в почетном карауле писатели, ученые, артисты, рабочие, офицеры Советской Армии, студенты.

В почетный караул становятся товарищи Н. А. Булганин, Е. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Г. Е. Жуков, Л. И. Брежнев, Д. Т. Шенников, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник, А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, П. Г. Москатов. Вместе с ними траурную вахту несут писатели А. Сурков, Н. Тихонов, Е. Симонов, В. Ажаев, Б. Полевой, В. Смирнов, Г. Марков, Вс. Иванов, В. Кочетов.

С двух часов дня и до позднего вечера 15 мая нескончаемой лентой проходят через Колонный зал москвичи, чтобы проститься с любимым писателем. С букетами полевых цветов подходят дети, которым предстоит еще радость первого знакомства с героями фадеевских книг.

В десять часов утра 16 мая вновь открылся доступ в Колонный зал для прощания с А. Фадеевым.

У гроба новые венки. Их возложили ЦК ВЛКСМ, Академия наук СССР, МГК и МГК ВЛКСМ, Президиум ЦК профсоюза работников культуры, Союз композиторов СССР, коллективы Московского Художественного и Малого театров, участники фильма «Молодая гвардия», писатели Ленинграда, Дона, Украины, Армении, Узбекистана, Татарии, Чувашии и другие.

«Дорогую земляку Александру Александровичу Фадееву» — начертано на ленте венка от Кимрского ГК КПСС, горисполкома и общественности города. Возложен венок от трудящихся Чкаловской области. С чувством глубокого уважения вспоминают А. Фадеева чкаловцы, трижды избиравшие его своим депутатом в Верховный Совет СССР.

У гроба — писатели И. Андроников, О. Берггольц, Ем. Буков, А. Венцлова, Н. Грибачев, М. Исаковский, С. Маршак, М. Миршаклар, С. Михалков, Л. Никитин, Е. Наумов, Ф. Панферов, А. Прокофьев, М. Соколов, А. Твардовский и многие другие.

Двенадцать часов дня. Наступают минуты прощания.

Родные, близкие, друзья покойного, писатели выносят гроб из Дома союзов. Впереди на атласных подушечках два ордена Ленина, медали, которыми был награжден А. Фадеев, значок депутата Верховного Совета СССР. Траурная процессия направляется на кладбище.

В два часа дня на Новодевичьем кладбище А. Сурков открывает траурный митинг. Он говорит о жизненном пути А. Фадеева, о его творчестве.

— Неизгладимый след оставил Александр Александрович в сердцах и умах миллионов людей своими книгами «Разгром», «Последний из удачей», «Молодая гвардия», — сказал А. Сурков. — Неизгладимый след в сердцах миллионов людей оставила его деятельность литератора, одного из первых собирателей сил нашей советской литературы и беззаветного борца за мир во всем мире. И все мы, советские писатели, каждый из нас, никогда не забудем светлый образ друга, товарища, чуткого и мудрого советчика, каким был Фадеев. Образ его навсегда сохранится в наших сердцах и в сердцах тех, кто придет

завтра создавать литературу победоносного коммунизма.

Слово предоставляется Константину Федину.

— Александр Фадеев неотделим от того большого революционного явления культуры, которое мы зовем советской художественной литературой. Когда тридцать лет назад появилась книга «Разгром», литература и новый наш читатель сразу признали в ее авторе талант свежий и многообещающий. Фадеев выступил в этом произведении писателем, сознающим, насколько велико значение традиций русской литературной классики для воплощения в художественном образе человека социалистической эпохи, борца за народный советский строй.

Редко в каком другом писателе так тесно сплетены жизнь художника и жизнь революционера. Почти мальчиком и беззаветно бросившись в битву с врагами коммунизма, он двадцати лет от роду рабочему, всерьез взялся за перо. С того момента весь добытый в огне опыта своей борьбы, все выстраданное знание жизни он стремился передать в пластические фигуры рабочих, партизан, юношей и девушек, которые мы знаем по его ярким книгам.

Юность мира — вот основная тема самых живых страниц фадеевской лирики и революционной романтики. А он был лиричен, когда писал о своих малых по возрасту, но больших по чувству героях. Он был романтичен, когда мечтал о будущем своих героев, реально изображая тяжесть их жертв ради победы революции.

Александр Фадеев был богато наделен чуткостью к искусству. Он ненасытно любил театр, музыку, живопись, любил человеческое и человеческое слово. И я не ошибусь, если скажу, что больше и нежнее всего он любил поэзию. Не столь уж часто встретишь у прозаиков страсть к чтению стихов. Фадеев читал их именно со страстью, слушал, как музыкант слушает оркестр, ценил, как поэт ценит поэтов.

У него была редкостная память на прекрасное: он держал в ней песни, стихи, прозу, он слово в слово мог повторять целые страницы из произведений великих писателей, философов, политиков. Он знал множество книг по содержанию, толпы героев по именам, десятки литератур по их важным представителям.

Весь этот мир, где память не была библиотекой, из которой не берут книг, не была каталогом, затынутым паутиной, — этот мир был деятельной душой художника, живущего для своего народа.

Фадеев умел завоевывать друзей и умел быть другом. Друзья его живут во всех братских советских республиках, живут повсюду в зарубежных странах, среди писателей, ученых, художников, артистов. Кто помнит многолюдные международные встречи послевоенного десятилетия, тот знает эти дни и ночи, напролет отданные Александром Фадеевым вдохновенной и трудной работе по приобретению и завоеванию новых и новых друзей нашему великому трудлюбивому советскому народу.

На трибуне — А. Корнейчук. С волнением говорит он о роли А. Фадеева в развитии всех литератур Советского Союза.

— Мы, писатели Украины, Белоруссии, Грузии, Узбекистана, Казахстана, Латвии, Литвы, всех братских республик нашей Родины, с глубокой печалью в душе низко склоняем головы, прощаясь с тобой, любимый наш друг и товарищ. Украинские писатели вместе с литераторами всех народов Советского Союза всегда будут благодарны тебе за оказанную на протяжении многих лет братскую помощь в становлении и развитии наших национальных литератур.

Трагическая кончина так горячо любимого всеми нами художника слова, одного из самых крупных писателей русской, всей советской и мировой литературы, глубоко нас потрясла.

От имени трудящихся Москвы выступает рабочий завода «Динамо» В. Лебедев. Он говорит о жизненном пути А. Фадеева, о его творчестве, проникнутом героической романтикой борьбы за коммунизм.

— На примере героев Краснодона, — сказал В. Лебедев, — писатель раскрыл великую моральную силу советского че-

ловека, его беспредельную, всепобеждающую любовь к Родине. Произведения Фадеева воссоздают правдивую и яркую картину нашей революционной современности, проникнуты высокой идейностью. Они учат нас жить, бороться, побеждать.

Во время гражданской войны А. Фадеев участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке. Об этих годах вспоминает бывший партизан Приморья М. Губельман.

— Я знал Сашу Фадеева еще юношей. В селах и деревнях Приморья он организовывал крестьян, рабочих, рыбаков для партизанской борьбы. В приморских боях Фадеев был ранен, партизаны прорвали окружение и вынесли его на руках. Второй раз он был ранен во время подавления Кронштадтского мятежа. Имя Александра Александровича Фадеева, человека душевной красоты, большой чуткости, дружки и отзывчивости, дорого всем нам.

От трудящихся Чкаловской области с речью на траурном митинге выступил А. Пигарев, отметивший тесную связь депутата А. Фадеева с народом, его чуткое отношение к нуждам простых людей.

...Звучат слова прощальных речей. Люди говорят о большом жизненном пути писателя Александра Фадеева. И горько сознавать, что так трагически, ненужно, нелепо оборвался этот путь. Трудно представить себе, что именно он, Александр Фадеев, писатель-коммунист, чьи произведения проникнуты неистребимой любовью к жизни, пафосом борьбы за человека новой морали, мог совершить то, что противоречит всему его жизнеутверждающему творчеству.

Слово предоставляется Георгию Арутюнянцу, одному из краснодонцев, чьи славные дела увековечены романом «Молодая гвардия».

— Комсомольцы, советские юноши и девушки, — говорит он, — знают и любят Александра Александровича Фадеева, как создателя замечательных художественных произведений. Роман «Молодая гвардия» стал одной из самых любимых книг нашей молодежи. В героях произведений Фадеева советские юноши и девушки видят образы людей большой нравственной силы и чистоты, воспитанных Коммунистической партией, готовых к самопожертвованию во имя Родины, во имя великого дела построения коммунизма. Книжки Фадеева вдохновляют и будут вдохновлять нашу замечательную молодежь на беззаветное служение партии и народу.

...Митинг окончен. Гроб медленно опускается в могилу. Звучит Гимн Советского Союза. Венки и цветы окружают мраморную плиту с надписью:

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ФАДЕЕВ
1901—1956

В Союз писателей СССР, Советский комитет защиты мира и «Литературную газету» поступили телеграммы с соболезнованиями по случаю безвременной смерти А. Фадеева: от писательских организаций Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Таджикистана и других союзных и автономных республик, от писателей ряда городов, от группы бывших участников гражданской войны на Дальнем Востоке, президиума Дальневосточного филиала Академии наук СССР, редакции журнала «Сибирские огни» и от других организаций и отдельных лиц.

Свое соболезнование выражают Союз чехословацких писателей, Союз болгарских писателей, Немецкая академия искусств, председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри, Национальный совет мира Франции, председатель Английского комитета защиты мира Д. Притт, Австрийский совет сторонников мира, генеральный секретарь Бельгийского союза защиты мира, Всеполюский комитет сторонников мира, Всеевропейский совет мира, итальянские писатели Альберто Моравиа и Д. Джерманетто и другие.

Письма с выражением глубокой печали по случаю трагической кончины А. Фадеева получены от посольств Китайской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и ряда других посольств.

Почти сорок лет мы, писатели старшего поколения, жили рядом, шли в одной шеренге с Александром Александровичем Фадеевым, Сашей Фадеевым для многих и многих из нас, кому он дарил свое товарищеское, партийное «ты». Уход его из жизни для нас — не только разлука с близким человеком. Огромная эпоха, которой каждый из нас, в меру своих сил, был участником, сразу встает перед глазами и снова переживается сердцем и мыслями у его смертного ложа.

Нет у нас, в нашей советской литературе, в нашем советском обществе изолированных биографий, мы трудимся сообща. Потеря Фадеева, час расставания с ним, боль, с какой мы в последний раз глядели на изменившегося, опавшего, тронутые смертью лицо его, на глубокою не по возрасту седину, которой мы раньше как-то не замечали на его молодой голове, — остро напомнили нам тесную связь наших отдельных жизней с общим для всех нас великим и трудным делом — созданием новой литературы нового общественного строя. Вместе мы трудились над ней, вместе добивались успеха, срывались, делали ошибки.

И каждый из нас, какова бы ни была степень его близости к Фадееву, может сказать в прощальном слове ушедшему: великую трудность нашей работы ты понимал; уважение к отряду советских тружеников, создававших новую литературу, ты чувствовал; и в руководство процессом советской литературы, — не всегда, может быть, правильно подходи к частностям этого процесса, — ты вносил вот это глубокое, профессиональное уважение к нашему творческому труду. А без уважения и самоуважения к делу всей своей жизни человек не может ни работать, ни жить. Ведь у писателя жизнь — это его книги; в них он рождается, действует; ими он ведет счет летам своего развития, своего становления; и когда хочет рассказать о себе, рассказывает о своих книгах.

На мгновение закрыв глаза, представляю себе все пережитое за четыре десятилетия

В час прощания

глазами нашего далекого потомка в единственном свете — в свете исторических и материальных документов. Встают построенные города, пролегают новые пути по новым освоенным землям, говорят из пожелтевших газетных сшивков старые декреты и постановления... Но могут ли будущие Тациты воскресить в полной мере и жизненно-ярко величайшее прошлое без волшебной палочки искусства? Дотронулась до него эта палочка, и двинулся, накопляясь и организуясь, живой человеческий поток, в котором зримо и слышимо почти каждое лицо: двинулся из прошлого на приступ грядущего «Железный поток» Серафимовича; ожили бойцы этого могучего потока, побеждающие даже в самом поражении, — «Разгром» Фадеева: вышел вместе со своей Дашей гладковский Глеб Чумалов на восстановление родных заводов; воскресли на необозримых наших полях, воюя за новую революционную форму их возделывания, шолоховские большевики Давыдов, Нагульнов, Разметнов... Чем показались бы историку все этапы становления нового мира без ведущих образов Н. Островского, Малышкина, Крымова, Макаренко, Сейфуллиной, десятков других писателей; как представить себе наш флот без командиров Леонида Соболева, без матросов Б. Лавренева, Новикова-Прибоя, нашу армию без солдат Некрасова, Полевого, Казакевича, Бека, Вс. Иванова, Гроссмана, Кожевникова, наших партизан без «Молодой гвардии» Фадеева, нашу войну без статей Эренбурга, наших рабочих, нашу колхозную и городскую интеллигенцию без нового облика молодого советского поколения, встающего из рассказов Антонова, повестей Тендрякова, романов Пановой, Кетлинской, из первых глав нового предсмертного романа Фадеева, где живут образы рабочих особого, крестьянско-промышленного уральского уклада? А как представить себе нашу высокую борьбу со старой собственнической психологией, с чиновничье-холопско-царским мешанством, с волчьими повадками

старых хищников без художественных портретов старого мира в полотнах Шишкова, Олеси, в едкой сатире Ильфа и Петрова... Я называю первые пришедшие в голову имена, а их гораздо больше, их сотни. И ярче, чем имена их, образнее, чем представление о носителях этих имен, встают в воображении имена их героев, страницы их книг, отразившие в живом непрерывном развитии нашу необычайную жизнь, возникновение социалистической культуры в наших дичайших, вымиравших до революции северных окраинах, рост высокого самосознания советского человека, проблематику и конфликты каждого этапа развития нашего нового хозяйства без частного собственника... Все мы, большие и малые романисты и очеркисты, вложили свою долю в это отражение великой, совершающейся в человечестве перемены. И как ребенок матери, родившей его в муках, собственным телом и страдаем, — так дорога каждому из нас молодая, пусть еще во многом несовершенная, но великая общностью своих целей, великая своей партийностью, своим страстным огнем, с каким она идет на приступ грядущего, — наша советская литература. чьим участником, другом, одним из руководителей был ушедший от нас большой советский писатель А. А. Фадеев.

Стоя сейчас у могилы нашего близкого спутника и сподвижника, многие труднейшие годы проработавшего вместе с нами, хочется сказать ему вслед и друг другу: будем верны великому делу нашей жизни, друзья! Будем чтить и уважать свое честное советское перо — перо писателя новой эры. Потрудимся с такой глубиной и правдивостью, чтоб высокий труд наш — часть общего proletарского дела — отразил и передал векам все, чем живет и мыслит и что создает сейчас советский народ.

Мариятта ШАГИНЯН